

DOI: [10.14515/monitoring.2021.5.1867](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1867)

Д. В. Ривера, Ш. В. Ривера

**СИЛОВИКИ И ДЕМОКРАТИЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕСОВМЕСТИМЫ?
АНАЛИЗ ДАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ
2016 ГОДА**

Правильная ссылка на статью:

Ривера Д. В., Ривера Ш. В. Силовики и демократия по-прежнему несовместимы? Анализ данных Исследования российских элит 2016 года // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 163—176. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1867>.

For citation:

Rivera D. W., Rivera S. W. (2021) Are Siloviki and Democracy Still Incompatible? An Analysis of the 2016 Survey of Russian Elites. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 163–176. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1867>. (In Russ.)

СИЛОВИКИ И ДЕМОКРАТИЯ ПО-ПРЕЖ- НЕМУ НЕСОВМЕСТИМЫ? АНАЛИЗ ДАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙ- СКИХ ЭЛИТ 2016 ГОДА

*РИВЕРА Дэвид В. — приглашенный
доцент факультета политических наук,
Гамильтон Колледж, Нью-Йорк, США
E-MAIL: drivera@hamilton.edu
<https://orcid.org/0000-0003-1548-715X>*

*РИВЕРА Шэрон Вернинг — профессор
факультета политических наук, Гамиль-
тон Колледж, Нью-Йорк, США
E-MAIL: srivera@hamilton.edu
<https://orcid.org/0000-0003-1092-8665>*

ARE SILOVIKI AND DEMOCRACY STILL INCOMPATIBLE? AN ANALYSIS OF THE 2016 SURVEY OF RUSSIAN ELITES

*David W. RIVERA¹ — Visiting Assistant
Professor of Government
E-MAIL: drivera@hamilton.edu
<https://orcid.org/0000-0003-1548-715X>*

*Sharon Werning RIVERA¹ — Professor of
Government
E-MAIL: srivera@hamilton.edu
<https://orcid.org/0000-0003-1092-8665>*

¹ Hamilton College, New York, USA

Аннотация. Действительно ли элиты с силовым бэкграундом разделяют менее либеральные установки, чем гражданские элиты в России? Это важный вопрос в контексте кадровой политики Владимира Путина, ориентированной на трудоустройство силовиков, а последняя системная попытка дать ответ датируется 2009 г. В рамках данной статьи мы исследуем ориентации респондентов — представителей российских элит относительно нескольких центральных компонентов либеральной демократии. Анализ проводится на основе данных седьмой волны Исследования российских элит (Survey of Russian Elites), проводившегося примерно раз в четыре года, начиная с 1993 г. Полученные результаты показывают преемственность с ранее обнаруженными паттернами: действующие офицеры силовых органов менее склонны поддерживать политический плюрализм и права человека, чем их бывшие коллеги в отставке, а представители гражданских элит, имеющие опыт работы в си-

Abstract. Do elites with a power background really share less liberal attitudes than civilian elites in Russia? This is an important question in the context of Vladimir Putin's personnel policy, focused on the employment of security officials, and the last systematic attempt to provide an answer dates back to 2009. Within the framework of this article, the authors investigate the orientations of respondents — representatives of the Russian elites — with respect to several central components of liberal democracy. The analysis is carried out on the basis of data from the seventh wave of the Survey of Russian Elites, which was conducted approximately every 4 years, starting in 1993. The results obtained show continuity with previously discovered patterns: current law enforcement officers are less inclined to support political pluralism and human rights than their retired colleagues, and members of the civilian elite with experience in the security forces are less liberal than those who have pursued an entirely civilian career. The implications for the future of the

ловых структурах, менее либерально настроены по сравнению с теми, кто строил полностью гражданскую карьеру. Последствия для будущего российской политической системы таковы: чем больше будет расширяться практика трудоустройства на руководящие государственные позиции силовиков, тем меньше будет вероятность возобновления процессов демократизации в будущем.

Ключевые слова: российские элиты, милитократия, количественные методы, либеральная демократия, исследования элит

Благодарность. Авторы благодарны офису декана факультета Гамильтон-колледжа за финансовую поддержку этой работы.

Russian political system are as follows: the more the practice of employment in the leading state positions of the security forces expands, the less the likelihood of a resumption of democratization processes in the future will be.

Keywords: Russian elites, militocracy, quantitative methods, liberal democracy, studies of elites

Acknowledgments. The authors are grateful to the Office of the Dean of Faculty at Hamilton College for its financial support of this article.

Введение¹

В июле 2016 г. Владимир Путин провел масштабную кадровую перестановку, сместив сразу четырех губернаторов и трех представителей президента в федеральных округах. Он также освободил от своих должностей посла России на Украине М. Зурабова и руководителя Федеральной таможенной службы А. Бельянинова. Вечером того же дня ведущий вечерних новостей восхищенно рассказывал о достоинствах кадровых решений российского президента, особо указывая на тот факт, что новый врио главы Калининградской области Евгений Зиничев на своем прошлом месте работы возглавлял региональное подразделение ФСБ, главного наследника КГБ СССР: «Эксперты уверены, что опыт работы Зиничева в ФСБ будет крайне полезен в этом стратегическом регионе»². Критически настроенные к кадровым перестановкам комментаторы также подчеркивали статус новых назначенцев, характеризуя их как «силовиков». Силовики — это бывшие сотрудники силовых структур и правоохранительных органов, в том числе силовых министерств, то есть тех учреждений, которым поставлена задача стоять на страже государства и бороться с потенциальными врагами, будь они иностранными или

¹ Настоящая публикация представляет собой сокращенный и доработанный перевод статьи Rivera S. W., Rivera D. W. (2019) Are Siloviki Still Undemocratic? Elite Support for Political Pluralism During Putin's Third Presidential Term. *Russian Politics*. Vol. 4. No. 4. P. 499—519. Перевод на русский язык выполнил кандидат политических наук Кирилл Петров.

² Эфир от 28.07.2016. Вести в 20:00 // Вести. 2016. 28 июля. URL: <https://www.vesti.ru/video/1553320> (дата обращения: 24.10.2021).

внутренними. Так, бывший на тот момент депутат Государственной думы Дмитрий Гудков прокомментировал произошедшее на своей странице в социальной сети Facebook: «Не помню, чтобы так много охранников из спецслужб приходили к власти. Кремль не доверяет никому, кроме тех, кто носит форму»³.

Разумеется, трудно, а то и невозможно утверждать с уверенностью, действительно ли эта особенность резюме назначенных кандидатов привлекла внимание президента и помогла им продвинуться по карьерной лестнице. Если предположить, что такие назначения действительно отражают долгосрочные предпочтения президента, то доверять управление страной своим коллегам в погонах — это продолжение тенденции, появившейся еще в самом начале пребывания Путина в должности президента. Ольга Крыштановская сделала больше других для того, чтобы мы узнали об этом тренде. В 2003 г. в соавторстве со Стивеном Уайтом она опубликовала работу «Путинская милитократия», которая начинается с утверждения, что «с 2000 г., после победы в своей первой президентской кампании Владимир Путин сделал явную ставку на привлечение людей в униформе во властные структуры» [Kryshtanovskaya, White, 2003: 289]. В частности, изучив профессиональный бэкграунд высокопоставленных чиновников в позднесоветское время, в эпоху правления Б. Ельцина и в ранний период правления В. Путина, авторы обнаружили, что доля сотрудников с опытом работы в военных структурах или спецслужбах возросла с 3,7 % в 1988 г. до 25,1 % в 2002 г. [ibid.: table 2]. В дальнейшем включение в анализ второго президентского срока Путина показало, что доля выходцев из военных и силовых структур среди высокопоставленных чиновников в 2008 г. увеличилась до 32 % [Kryshtanovskaya, White, 2009: table 2].

Однако следует отметить, что методы анализа данных, использованные в статьях Крыштановской и Уайта, привели к значительному завышению полученных оценок. При повторном анализе их данных, устранившем влияние неявной схемы взвешивания, мы обнаружили, что доля силовиков, занимающих ведущие позиции в высших эшелонах российской власти, в 2002 г. достигла лишь 13,9 %, что составило чуть более половины от 25,1 %, о которых говорилось изначально [Rivera, Rivera, 2006: table 1]. Точно так же пересчет их данных за 2008 г. дал оценку в 20,5 %, или одну пятую часть высших должностных лиц России, а не одну треть, о которой писали О. Крыштановская и С. Уайт. Кроме того, исследование более широкого среза элиты, которое мы провели на основе исходных данных, дает еще более низкие оценки представительства группы лиц с силовым бэкграундом [Rivera, Rivera, 2014: 32, table 2].

В то же время мы нашли подтверждение тех выводов, которые сделали О. Крыштановская и С. Уайт относительно долгосрочных тенденций: исходные расчеты авторов и наши оценки показывают неуклонный рост доли силовиков в политической элите в течение первых двух президентских сроков В. Путина. Так, оба варианта прочтения данных Крыштановской дают увеличение на 7 процентных пунктов (с 25,1 % до 32 % в исходном анализе и с 13,9 % до 20,5 % в наших пересчетах) между 2002 и 2008 гг. Более того, убедительно выглядит

³ Цитируется в: Litvinova D. Putin's Game of Thrones: The Men in Epaulets Take Over // The Moscow Times. 2016. July 29. URL:<https://themoscowtimes.com/articles/game-of-thrones-russian-regions-and-districts-get-new-leaders-in-epaulets-54782>(дата обращения: 24.10.2021).

утверждение О. Крыштановской и С. Уайта о том, что это повышение «будет иметь серьезные последствия для посткоммунистической политической системы России». «Количественное изменение обязательно должно привести к изменению качества», — прогнозировали они. «Чем больше Россия становится милитократией, тем больше посткоммунистическая российская политика приобретает черты абсолютно номинальной демократии советского периода» [Kryshstanovskaya, White, 2003: 303—304]. И действительно, за прошедшие полтора десятилетия милитаризация российской элиты стала часто рассматриваться в качестве одной из основных причин процесса раздемократизации, ставшего отличительной чертой путинской эпохи⁴.

Несмотря на то, что в этих источниках описанная причинно-следственная связь скорее провозглашается, а не доказывается эмпирически, важно отметить, что ее основная предпосылка была подтверждена в исследованиях как западных, так и российских ученых. В частности, опросы, проводившиеся в 1990-е и 2000-е годы, неизменно показывали, что офицеры армии и других силовых структур настроены менее либерально и реже поддерживают политический плюрализм, чем представители гражданских элит [Тарусин и др., 2008: 10—12, рис. 4.1, 4.3—4.12, 13.11; Афанасьев, 2009: табл. 7, 14, 19, приложения]. Интересное сравнение ответов обычных военнослужащих (занятых в армии, на флоте и т. д.) офицерского состава с ответами офицеров, которым доверены сферы внутренней безопасности и правоприменения, проводит Михаил Афанасьев. Он показывает, что первые гораздо более критично оценивали положение дел в России и значительно больше поддерживали демократические изменения как способ решения стоящих перед Россией проблем, чем последние [Афанасьев, 2009: табл. 1, 2, 12, 15, 17, приложения]⁵.

Означает ли это, что недавние (и вероятные будущие) назначения силовиков на руководящие должности, проведенные В. Путиным, определяют грядущие изменения? То есть следует ли нам ожидать повторения прошлого? Действительно ли сохраняется существенная разница в установках и ориентациях между силовиками и гражданскими элитами? В конце концов, за прошедшее десятилетие элитная группа, представляющая силовиков, могла стать более благосклонной к демократии, гражданские элиты, в свою очередь, могли стать менее благосклонными к ней, или же могло произойти и то, и другое одновременно. Другими словами, взгляды этих двух групп на политический плюрализм могли сойтись или даже поменяться местами. Насколько нам известно, эмпирические исследования не довели изучение этих вопросов до настоящего времени.

Данные, которые могут быть использованы для прояснения этого вопроса, содержатся в седьмой волне Исследования российских элит (Survey of Russian Elites, SRE), проведенной в феврале-марте 2016 г. Исследовательский проект SRE был основан Уильямом Зиммерманом из Мичиганского университета в 1993 г.

⁴ Наиболее полный обзор явления, которое мы называем «милитократическая парадигма», представлен в работе [Rivera, Rivera, 2018].

⁵ Следует отметить, что звания офицеров в каждой из рассмотренных групп в работе не указаны, соответственно, обнаруженные различия могут объясняться вариацией в структуре групп. Однако в каждой группе было опрошено по 100 офицеров, поэтому нам кажется обоснованным предположение, что обе они в основном состоят из действующих офицеров, имеющих примерно одинаковое звание среднего уровня, а не представителей высших звеньев военного командования.

и в настоящее время поддерживается Межуниверситетским консорциумом политических и социальных исследований Мичиганского университета. Шэрон Вернинг Ривера — первый автор данной статьи — была главным исследователем проекта во время проведения седьмой волны⁶.

В этой статье мы используем полученные SRE данные для исследования ориентации российской элиты в отношении ключевых компонентов либеральной демократии. Наш анализ показывает, что разрыв во взглядах между силовиками и гражданскими элитами сохраняется: в 2016 г. представители элит с профессиональным опытом в одной или нескольких российских силовых структурах в меньшей степени поддерживали политический плюрализм и права человека, чем представители элит без такого опыта — так же как в 1990-е и в 2000-е годы. Кроме того, действующие офицеры были менее либеральны, чем их бывшие коллеги на пенсии или лица с исключительно гражданской карьерой. Наконец, данные 2016 г. свидетельствуют, что у обычных военных почти такой же уровень поддержки политического плюрализма, как у сотрудников органов внутренней безопасности, и это отличается от ситуации, наблюдавшейся в самом конце второго президентского срока В. Путина.

Наше дальнейшее изложение структурировано следующим образом. Сначала мы опишем имеющиеся данные и операционализируем используемые переменные. Затем сравним средние баллы по пяти вопросам анкеты исследования SRE для действующих военнослужащих и офицеров специальных служб, бывших офицеров, работающих сейчас на гражданской службе, и тех, чей карьерный путь связан исключительно с гражданскими должностями. В заключительном разделе мы обобщим наши выводы и обозначим их значение с точки зрения перспектив демократического развития в постпутинскую эпоху.

Данные и методы

Седьмая волна исследования SRE включает в себя данные 243 интервью, проведенных в феврале и марте 2016 г. в Москве с представителями российской элиты. Выборка формировалась квотным методом, респонденты отбирались на основе позиционного критерия, предполагавшего выявление лиц, так или иначе связанных с внешнеполитической сферой. Выборка охватывала семь элитных подгрупп, представители которых занимали позиции в структурах законодательной ветви власти (30 респондентов), исполнительной ветви власти (35), военных и силовых ведомствах (36), государственных предприятиях (36), частном бизнесе (35), научных и образовательных учреждениях с сильными международными связями (35) и средствах массовой информации (СМИ; 36 респондентов).

Все респонденты были влиятельными людьми в своих сферах деятельности. В подгруппе представителей законодательной и исполнительной власти были опрошены депутаты Государственной думы и Совета Федерации РФ, руководители и заместители руководителей федеральных ведомств, федеральные министры и заместители министров, сотрудники Администрации президента уровня совет-

⁶ См. объединенный набор эмпирических данных: Zimmerman W., Rivera Sh.W., Kalinin K. Survey of Russian Elites, Moscow, Russia, 1993—2016. Ann Arbor, MI: Inter-University Consortium for Political and Social Research [distributor], 2019—09—11. URL: <http://doi.org/10.3886/ICPSR03724.v6>.

ников или выше. Опрошенные представители вооруженных сил и силовых структур имеют звание полковника или выше. В экономическом секторе респондентами являются владельцы, топ-менеджеры или ключевые руководители крупных частных фирм, а также директора или заместители директоров государственных предприятий и государственных корпораций. В академических институциях и в средствах массовой информации респонденты занимают должности ректоров или проректоров университетов, директоров или заместителей директоров исследовательских институтов, а также редакторов или заместителей редакторов важных печатных медиа, теле- и радиоканалов.

Чтобы получить возможность сравнить позиции силовиков с другими группами в нашей выборке, необходимо четко определить и выявить первых. Мы используем стандартное определение, приведенное в литературе по этому вопросу: вслед за О. Крыштановской и С. Уайтом мы определяем «силовые министерства» как «все правительственные ведомства, в состав которых входят вооруженные формирования» [Kryshstanovskaya, White, 2009: 298]. Кроме того, как пишет Крыштановская в своей книге о российской элите, «Под „военными людьми“ мы понимаем людей, одетых в форму любого типа: офицеры армии, флота, пограничной службы, внутренних войск, сотрудников органов государственной безопасности и т. д.» [Крыштановская, 2005: 269]. В этой связи важно отметить, что в нашей концепции политическое назначение в качестве главы или заместителя главы силовой структуры представляет собой переход в национальное руководство, но само по себе не квалифицирует человека как силовика. Кроме того, мы решили, что будем считать силовиком человека, который имеет опыт службы в качестве офицера в вооруженных силах или другой силовой структуре (такой как ФСБ, КГБ, МВД, прокуратура или МЧС) не менее трех лет⁷.

В рамках нашей выборки мы определяем силовиков на основе двух наборов социально-демографических вопросов. Во-первых, респондентов спрашивали, служили ли они в вооруженных силах, были только в запасе или не служили совсем. Если собеседник отвечал о действительной службе утвердительно, ему задавались два дополнительных вопроса: «Были ли [Вы] офицером, сержантом или рядовым?» и «Сколько лет Вы служили в вооруженных силах?» Во-вторых, респондентам задавали следующую пару вопросов, касающихся работы в других силовых структурах: «Состояли ли Вы на службе в качестве офицера в каких-либо силовых структурах, [таких] как, например, ФСБ, КГБ, МВД, Прокуратура, или МЧС?», и если да, то «Сколько лет Вы служили в этих структурах?»

Первоначально 57 респондентов сообщили, что они служили офицерами в одной или нескольких из множества существующих в Российской Федерации силовых структур. Однако двое из этих лиц проработали в них менее трех лет и поэтому были перекодированы как несиловики. Кроме того, один из 36 человек, первоначально отнесенных в выборке к элитной подгруппе «военные и специальные службы», сообщил (по-видимому, ошибочно), что он служил только в армейских резервах. Однако в силу того, что он был выбран для собеседования, он должен был иметь звание полковника или выше (этот человек также имел военное обра-

⁷ На практике низкий порог служил в первую очередь для исключения лиц, единственный опыт военной службы которых заключался в обязательной службе по призыву.

зование). В конечном счете 56 из 243 респондентов (23,0%) были определены как силовики. Тридцать шесть из них принадлежат к подгруппе «военные и специальные службы», о которой говорилось ранее; оставшиеся двадцать человек сменили свои должности на гражданские. В последней группе пять человек представляют исполнительную ветвь власти, еще пять — законодательную, четыре работают в науке и образовании, трое — в СМИ, двое трудоустроены на государственных предприятиях и один — в частном бизнесе.

Наконец, чтобы выявить любые потенциальные различия во взглядах между элитными подгруппами, необходимо измерить уровень поддержки респондентами различных аспектов политического плюрализма. Руководствуясь подходом, принятым в большинстве исследований, основанных на данных опросов и посвященных проблемам поддержки демократии массами и элитой в посткоммунистическом регионе, мы «концептуализируем демократические ценности как многосоставную систему убеждений» [Gibson, 2001: 110].

Следуя наследию Роберта Даля, мы считаем ключевыми элементами демократии наличие свободных и справедливых выборов, которые подкреплены уровнем гражданских свобод, достаточным для того, чтобы «публичная конкуренция» и само участие в них были значимыми. Анкета исследования SRE содержит ряд вопросов, которые прямо опираются на концепцию демократии, разработанную Далем. Мы используем пять вопросов, группируя их в три категории: «Представительное правление», «Гражданские свободы» и «Верховенство закона». База данных SRE не содержит ответы на открытые вопросы или материалы фокус-групп, которые могли бы пролить свет на то, как респонденты интерпретируют ключевые термины в поставленных вопросах. Неоднозначность или неясность формулировок для респондентов, с нашей точки зрения, должна была проявиться в высокой доле пропущенных значений в базе данных, однако этого не наблюдается: в ответах на вопросы 1—3 пропущенные значения отсутствуют, а в ответах на вопросы 4 и 5 их доля составила лишь 1% и 2% соответственно.

Как показано в таблице 1, первый вопрос, вошедший в категорию «Представительное правление», касается пользы существования партийной конкуренции. Респондентов просили выразить степень своего согласия со следующим утверждением: «Конкуренция различных политических партий сделает нашу систему сильнее». Ответы были оценены в обратном порядке, так что оценка «5» соответствует полному согласию, а оценка «1» означает, что респондент совершенно не согласен с предложенным утверждением.

Следующую группу вопросов мы объединили внутри категории «Гражданские свободы». Второй вопрос предлагает респондентам оценить необходимость запрещать публичное выражение опасных идей и мыслей. Третий вопрос уточняет у респондентов их мнение относительно того, до какой степени можно ограничивать права граждан с целью обеспечения порядка в российском обществе.

Последняя группа вопросов объединена в категории «Верховенство закона» и сфокусирована непосредственно на важности защиты прав и свобод человека с помощью судебной-правовой системы. Респондентам предлагалось выразить степень своего согласия с двумя приведенными в таблице утверждениями; как и в случае с первым вопросом, ответы на четвертый вопрос были перекодированы в обратном порядке.

Таблица 1. **Вопросы, представленные в Исследовании российских элит (SRE)**

<i>Категория «Представительное правление»</i>
1. Конкуренция различных политических партий сделает нашу систему сильнее*.
<i>Категория «Гражданские свободы»</i>
2. В любом обществе всегда будет необходимо запрещать публичное высказывание опасных мыслей.
3. Существуют различные мнения о том, каким образом надо наводить порядок в стране. Используя пятибалльную шкалу (где 1 — необходимо наводить порядок в стране любой ценой, а 5 — наведение порядка никоим образом не должно ущемлять права граждан), скажите, пожалуйста, какая позиция на шкале соответствует Вашей точке зрения?
<i>Категория «Верховенство закона»</i>
4. Права человека должны быть защищены, даже если виновные люди будут иногда оставаться на свободе*.
5. Интересы общества должны быть защищены, даже если невинные люди будут иногда попадать в тюрьму.

Источник: данные Исследования российских элит (SRE), 2016.

Примечания. В вопросах 1—2 и 4—5 используется пятибалльная шкала, ключами в которой являются следующие ответы: 1. Полностью согласен, 2. В основном согласен, 3. Ни согласен, ни не согласен, 4. В основном не согласен и 5. Полностью не согласен. Вопросы, отмеченные *, оцениваются в обратном порядке, поэтому более высокое значение соответствует более демократичной позиции. «Не знаю» и отказы составляют долю не более 2% на любой вопрос.

Результаты

В таблице 2 представлены средние значения ответов на пять представленных выше вопросов для следующих четырех подгрупп силовиков:

- 1) действующие офицеры, единственный опыт работы которых связан с армией;
- 2) действующие офицеры, которые в ходе своей карьеры служили в других силовых структурах (не важно, служили ли они исключительно в таких структурах или также имеют опыт службы в армии);
- 3) гражданские служащие, имеющие не менее трех лет опыта работы офицером в армии;

4) гражданские служащие, имеющие опыт работы в качестве офицера в силовых ведомствах, отличных от армии (либо исключительно, либо в сочетании со службой в армии). Мы называем «чекистами» тех, кто имеет опыт работы офицером специальных служб, в органах внутренней безопасности или правоприменяющих органах.

Первый существенный вывод заключается в том, что наши результаты не повторяют вывод работы Афанасьева 2008 г. о том, что обычные военные гораздо критичнее относятся к положению дел в России и, таким образом, значительно больше поддерживают демократические изменения, чем офицеры, которым доверена внутренняя безопасность или правоприменение. Дополнительный контроль на статус респондентов — действующих или бывших офицеров — показывает различия в установках между этими группами по разным вопросам в интервале от 0,06 балла до 0,47 балла, и максимальное значение составляет лишь около

12% от диапазона шкалы. При этом важно, что данные не показывают какой-либо единой закономерности в обнаруженных различиях. В категориях как действующих, так и отставных офицеров военнослужащие демонстрируют большую поддержку политического плюрализма, чем чекисты, по трем использованным критериям, но меньшую — по двум другим, и ни одно из этих различий не является статистически значимым (последнее частично может быть связано с малым размером подвыборки).

Таблица 2. **Отношение к политическому плюрализму по типу силовиков, 2016 г.**
(средние значения в группе)

Вопрос исследования	Действующие офицеры		Гражданские силовики	
	Армия (N=23)	«Чекисты» (N=13)	Армия (N=11)	«Чекисты» (N=9)
<i>«Представительное правление»</i>				
1. Конкуренция партий полезна (согласие)	3,48	3,54	4,18	4,11
<i>«Гражданские свободы»</i>				
2. Необходимо запретить опасные идеи (несогласие)	2,48	2,08	2,36	2,78
3. Права важнее порядка (согласие)	2,48	2,23	3,09	3,00
<i>«Верховенство закона»</i>				
4. Права граждан важнее (согласие)	3,30	2,83	2,55	2,22
5. Интересы общества важнее (несогласие)	3,43	3,58	3,60	3,78

Источник: данные Исследования российских элит (SRE), 2016.

Примечание. Более высокие значения (выделены подчеркиванием) представляют собой более демократичные позиции подгрупп элиты. Ни одно из различий средних значений не является статистически значимым при уровне $p < 0,05$. Ответы «Не знаю» и отказы исключены из расчетов.

Итак, если принадлежность к корпорации определенного типа не является значимым фактором, определяющим отношение к политическому плюрализму, что же тогда может ее определять? О. Крыштановская и С. Уайт предположили, что завершившие военно-силовую карьеру люди ресоциализируются и могут изменить свои ценностные установки во время последующей работы в других сферах. «По мере того как военные и сотрудники службы безопасности из „путинского призыва“ приобретали некоторый опыт демократической политики, работали в бизнесе, побывали за границей, — пишут авторы, — их авторитарные тенденции во многих случаях смягчились» [Kryshstanovskaya, White, 2003: 304]. Если исследователи правы, те, кого мы классифицируем как силовиков гражданской службы,

должны в среднем демонстрировать более слабые «авторитарные тенденции», чем «чистые» силовики, то есть те, кто продолжает работать в силовых структурах.

Этот тезис в определенной мере подтверждается данными, показывающими различия в средних показателях между подгруппой «чистых силовиков» и силовиков гражданской службы, приведенными во втором столбце таблицы 3. По всем вопросам, кроме одного (защита прав личности), респонденты, сменившие военную форму на гражданскую, больше поддерживают политический плюрализм, чем те, кто в настоящее время служит в различных силовых структурах. В двух случаях (вопросы 1 и 3) силовики гражданской службы на две трети балла (или 17 % диапазона использованной шкалы) более благосклонны к любой партийной конкуренции или необходимости защищать права граждан при установлении порядка, чем действующие офицеры. Более того, по двум этим вопросам разница в средних значениях статистически значима на уровне 0,05.

Таблица 3. **Различия в средних значениях между действующими офицерами и гражданскими представителями элит, 2016 г.**

Вопрос исследования	(1)	(2)	(3)
	Действующие офицеры, среднее (N = 36)	Гражданские	
		С силовым опытом, различие (N = 20)	Полностью гражданские, различие (N = 187)
«Представительное правление»			
1. Конкуренция партий полезна (согласие)	3,50	0,65*	0,15
«Гражданские свободы»			
2. Необходимо запретить опасные идеи (несогласие)	2,33	0,22	0,69**
3. Права важнее порядка (согласие)	2,39	0,66*	1,43***
«Верховенство закона»			
4. Права граждан важнее (согласие)	3,14	-0,74**	-0,24
5. Интересы общества важнее (несогласие)	3,49	0,20	0,40*

Источник: данные Исследования российских элит (SRE), 2016.

Примечания. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$; проверка на двустороннюю связь (two-tailed test). Столбцы (2) и (3) отражают разницу в средних значениях ответов между гражданскими силовиками и полностью гражданскими лицами, с одной стороны, и действующими офицерами — с другой. Подчеркнуты различия, отражающие в среднем более демократичную реакцию со стороны гражданских респондентов. Ответы «Не знаю» и отказы исключены из расчетов.

Неудивительно, что самые выразительные различия проявляются, когда мы сравниваем позиции «самых настоящих силовиков из силовиков» — тех 36 человек, которые все еще находятся на службе, с оставшимися в выборке 187 гражданскими лицами, не имеющими карьерного опыта работы в силовых структурах. Как показано в третьем столбце таблицы 3, три вопроса — о необходимости запрета опасных

идей (№ 2), компромиссе между гражданскими правами и порядком (№ 3) и императиве защиты общества (№ 5) — четко разграничивают эти две группы. Различия в средних значениях для всех трех вопросов в этих группах велики и статистически значимы. Правильный способ установления общественного порядка вызывает особые разногласия: гражданские лица, не принадлежащие к силовикам, на 1,43 балла (или 36 % диапазона шкалы) более склонны отдавать приоритет защите прав граждан над ценностью жесткого порядка, чем офицеры-силовики.

Наконец, важно сравнение лиц, посвятивших всю свою жизнь гражданской карьере (таких как, например, Дмитрий Медведев), с их коллегами, которые обладают профессиональным опытом работы в силовых структурах (таких как, например, Владимир Путин). Несмотря на то, что после ухода из офицерского корпуса в последней группе до некоторой степени может происходить ресоциализация, принято считать, что ее представители сохраняют нелиберальный этос, сформированный прежним окружением. В таблице 4 представлены различия в средних показателях между гражданскими лицами, проработавшими не менее трех лет в силовых структурах, и лицами без такого профессионального опыта. По четырем из пяти показателей представители гражданских элит в 2016 г. действительно придерживались более демократических позиций, чем силовики. Различия, выявленные в рамках ответов на эти вопросы, варьируют от 0,21 до 0,77 балла и по двум из них являются статистически значимыми на уровне 0,01. Третий вопрос снова выделяется как особенно дифференцирующий: средняя оценка приоритета прав граждан над установлением порядка среди лиц с полностью гражданской карьерой на 0,77 балла (19 % диапазона шкалы) превышает показатель, рассчитанный для гражданских лиц с силовым бэкграундом.

Таблица 4. **Различия в средних значениях между гражданскими силовиками и полностью гражданскими лицами, 2016 г.**

Вопрос исследования	Гражданские силовики, среднее (N = 20)	Гражданские лица, среднее (N = 187)	Различие
<i>«Представительное правление»</i>			
1. Конкуренция партий полезна (согласие)	4,15	3,65	-0,50
<i>«Гражданские свободы»</i>			
2. Необходимо запретить опасные идеи (несогласие)	2,55	3,02	0,47
3. Права важнее порядка (согласие)	3,05	3,82	0,77**
<i>«Верховенство закона»</i>			
4. Права граждан важнее (согласие)	2,40	2,90	0,50**
5. Интересы общества важнее (несогласие)	3,68	3,89	0,21

Источник: данные Исследования российских элит (SRE), 2016.

Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$; проверка на двустороннюю связь (two-tailed test). В первых двух столбцах более высокие (подчеркнутые) значения представляют более демократичные позиции. В третьем столбце подчеркнуты различия, отражающие в среднем более демократичные ответы со стороны полностью гражданских лиц. Ответы «Не знаю» и отказы исключены из расчетов.

Заключение

В течение почти двух последних десятилетий бытует мнение, что пребывание В. Путина на посту российского президента сопровождалось массовым притоком бывших военных и спецслужбистов на руководящие должности, имевшим серьезные последствия для российской политики. Такая позиция основывается на предположении, что силовые структуры России социализируют своих сотрудников через недемократическую и нелиберальную систему ценностей, — предположении, получившем подтверждение в результатах опубликованных ранее эмпирических исследований. Представленная статья актуализирует данные по этому вопросу, и, хотя некоторые из полученных выводов расходятся с результатами предыдущих исследований, большая часть из них подтверждает ранее обнаруженные закономерности.

Во-первых, наши оценки показывают, что в 2016 г. обычные военные и офицеры, которым поручено обеспечивать внутреннюю безопасность государства, демонстрируют почти одинаковые уровни поддержки ценностей политического плюрализма — и это отличается от закономерности, обнаруженной в одной из основных работ по этой теме, относящейся к 2008 г. Другими словами, во время президентства Д. Медведева и третьего срока президента В. Путина взгляды армейских офицеров и чекистов, похоже, сошлись в отношении ценности политической конкуренции, гражданских свобод и защиты прав человека.

Во-вторых, результаты нашего исследования подтверждают гипотезу о том, что члены силовой корпорации подвержены ресоциализации после того, как они меняют униформу на гражданский костюм. В частности, бывшие офицеры, перешедшие на гражданскую службу, значительно более либеральны, чем их коллеги, все еще находящиеся на службе. Следовательно, афоризм, гласящий, что «бывших агентов КГБ не существует», может оказаться преувеличением.

В-третьих, обнаруженные различия во взглядах между действующими офицерами и лицами, посвятившими всю свою карьеру гражданской службе, также соответствуют нашим ожиданиям, и они оказываются еще более выразительными.

Наконец, в-четвертых, и, возможно, это самое главное наблюдение, силовики — даже те, кто уже ушел со службы, — менее склонны поддерживать политический плюрализм и соблюдение прав человека, чем гражданские лица, никогда не служившие в силовых структурах.

Последствия обнаруженных тенденций для эволюции России после ухода В. Путина с политической арены очевидны. Некоторые члены политической элиты путинской эпохи почти наверняка поднимутся на руководящие должности во время и после транзита к новой эпохе. В связи с этим, чем большее распространение получит принятая президентом практика комплектования государственных должностей силовиками, тем ниже окажется вероятность возобновления процессов демократизации страны в будущем.

Список литературы (References)

Афанасьев М. Н. Российские элиты развития. Запрос на новый курс. М.: Фонд «Либеральна миссия», 2009. URL: https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/1970/afanasiev_light.pdf (дата обращения: 24.10.2021).

Afnas'ev M. N. (2009) Russian Development Elites. Request for a New Course. Moscow: Liberal Mission Foundation. URL: https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/1970/afanasiev_light.pdf (accessed: 24.10.2021). (In Russ.)

Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
Kryshtanovskaya O. V. (2005) Anatomy of the Russian Elite. Moscow: Zakharov. (In Russ.)

Тарусин М., Механик А., Попов Н., Львов С., Сиваков Д., Боков М., Поликанина С. Сумма идеологии. Мироззрение и идеология современной российской элиты. М.: Институт общественного проектирования, 2008.

Tarusin M., Mekhanik A., Popov N., L'vov S., Sivakov D., Bokov M., Polikanina S. (2008) The Sum of Ideology. Worldview and Ideology of the Modern Russian Elite. Moscow: Institute for Public Design. (In Russ.)

Gibson J. L. (2001) The Russian Dance With Democracy. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 17. No. 2. P. 101—128. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2001.10641497>.

Kryshtanovskaya O., White S. (2003) Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 19. No. 4. P. 289—306. <https://doi.org/10.2747/1060-586x.19.4.289>.

Kryshtanovskaya O. G., White S. (2009) The Sovietization of Russian Politics. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 25. No. 4. P. 283—309. <https://doi.org/10.2747/1060-586x.24.4.283>.

Rivera Sh. W., Rivera D. W. (2006) The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? *Post-Soviet Affairs*. Vol. 22. No. 2. P. 125—144. <https://doi.org/10.2747/1060-586x.22.2.125>.

Rivera D. W., Rivera Sh. W. (2014) Is Russia a Militocracy? Conceptual Issues and Extant Findings Regarding Elite Militarization. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 1. P. 27—50. <https://doi.org/10.1080/1060586x.2013.819681>.

Rivera D. W., Rivera Sh. W. (2018) The Militarization of the Russian Elite under Putin: What We Know, What We Think We Know (but Don't), and What We Need to Know. *Problems of Post-Communism*. Vol. 65. No. 4. P. 221—232. <https://doi.org/10.1080/10758216.2017.1295812>.